

Владимир ТУЧКОВ

Владимир Тучков родился в 1949 году в Подмосковье. Окончил факультет электроники Московского лесотехнического института. Стихи и проза публиковались в России, Болгарии, Венгрии, Германии, Дании, Израиле, Нидерландах, Словакии, США, Украине, Франции, Швеции как на русском языке, так и в переводах. Автор двух сборников стихов и двенадцати книг прозы. Ряд рассказов был включен в «Антологию русского XX века. 50 авторов», вышедшую в издательстве Academic Studies Press, США. Предыдущая публикация в «Волге»: роман «Вышка» (2018, № 11-12).

ЧЕРНЫЙ ПОЛКОВНИК

Рассказ из цикла «Протяжные песни Среднерусской возвышенности»

Грибы способны лишать людей разума.

Ну, конечно, не совсем разума, это был бы некоторый терминологический перегиб. Но здравого смысла – это уж точно.

По осени во многих людях пробуждается какая-то маниакальная тяга к собиранию грибов в подмосковных лесах. Чего за пределами России нет и быть не может в силу... Трудно сказать, в силу чего, поскольку в своих бы мозгах нам разобраться.

Ну, разве что в Белоруссии этот процесс имеет еще большую остроту. Достаточно почитать поэта Игоря Шкляревского, у которого грибная охота имеет отчетливо выраженный эпический характер. И хоть давно уже человек перебрался в Россию, но белорусский гриб для него является мериллом всего сущего на свете.

Короче, вместо того чтобы спуститься на лифте, выйти из дому, дойти до магазина и купить банку маринованных опят ли, груздей ли, или белых, заплатив за это дело сравнительно небольшие деньги, человек сажает в автомобиль жену, детей, бывает, что и тещу, и ранним субботним утром передвигается по перегруженным магистралям, изнывая от пробок, в радиальных от центра Москвы направлениях. Добирается до места в лучшем случае к обеду. И, аукаясь с домочадцами, собирает грибы, рискуя положить в корзину какую-нибудь ядовитую их разновидность.

Вполне понятно, что стоимость таких поездок из-за постоянно дорожающего бензина существенно превышает стоимость банки грибов, купленных без суеты в магазине.

Так вот к чему я это? Если бы данное безумие происходило где угодно, но только не в Подмосковье, мне оно было бы абсолютно безразлично. Но в Подмосковье, а конкретно – в Сергиево-Посадском районе, эти люди, эти грибники мне изрядно досаждают.

Потому что полгода я живу вдали от цивилизации, где банку грибов с огнем не сыщешь. И за грибами вынужден ходить в лес.

А в лесу – они, в больших количествах, аукающие, все вытаптывающие и все подчистую уносящие из лесу в своих пятиведерных корзинах.

Поэтому идти в лес за грибами в выходные абсолютно бессмысленно. Приходится ждать до четверга, когда напуганные грибы придут в себя и начнут робко вылезать из земли, словно из бомбоубежища.

Так что эта история, которая чуть не перевернула мое представление о мироздании, произошла именно в четверг.

В лесу.

Неподалеку от деревни Барково.

То есть она началась в этом районе, а завершилась северо-восточнее города Красноармейска.

Утро было туманное. Очертания деревьев расплывались, как попавшая под дождь акварель, уже метрах в пятидесяти. К тому же накрапывал мелкий осенний дождик, слегка штриховавший ближнюю перспективу.

С грибами с самого начала не заладилось. Нагло лезли на глаза лишь одни опять, облепливающие стволы замшелых деревьев. Но я заготовил их достаточно в прошлый раз. Хотелось чего-нибудь поблагороднее, из классической троицы: белые – подберезовики – подосиновики. Однако за час хождения галсами в знакомом месте, где их должно быть навалом, попались лишь два подосиновика в франтоватых оранжевых шапках.

Словно под землю провалились, подумал я, закуривая сигарету.

И вдруг впереди промелькнула человеческая фигура.

И не фигура даже, а смутные ее очертания. Погода-то была абсолютно импрессионистическая. То ли впереди родные березки с елками колеблются в такт дуновениям ленивого осеннего ветерка, то ли мост Ватерлоо раскинулся, то ли Руанский собор произрастает.

Через некоторое время я понял, что это предположительно мужчина. Вышагивает впереди меня в офицерском плаще-палатке практично-функционального покроя, который был в большом ходу в армии в стародавние – советские – времена.

Я покашлял. Демонстративно, чтобы обратить внимание человека на мое присутствие.

Никакой реакции не последовало. Как шел с прямой спиной, с капюшоном, полностью защищавшим лицо от мороси, так и продолжил идти.

У меня возникло вполне естественное желание догнать его. И поинтересоваться, удастся ли ему находить грибы. Может, он какой-то секрет знает, может, место особое. Может, и поделится со мной. Чем черт ни шутит?

Я прибавил шаг.

И с удивлением обнаружил, что расстояние между нами остается неизменным. Хоть по движениям незнакомца нельзя было сказать, чтобы он ускорился. Те же самые размеренные движения. И частота шагов неизменная.

И тогда я решил его окликнуть.

Открыл рот. И тут же его закрыл. Потому что было абсолютно непонятно, как следует к нему обратиться.

Господин? Ничего нелепее в лесу невозможно было представить.

Сударь? Абсолютно та же самая дичь.

Любезный... Милостивый государь...

Хотя многие сейчас, очень многие, не задумываясь, крикнули бы: «Мужчина!»

Но к этим многим я, к счастью, не отношусь.

Оставались лишь два варианта: гражданин и товарищ.

Гражданин – это, пожалуй, было чрезмерно официально.

Наиболее подходил «товарищ».

Я открыл рот и довольно громко сказал: «Товарищ...» И совершенно неожиданно, помимо своей воли и замысла, словно кто-то внешний привел в действие мои голосовые связки, добавил: «...полковник!»

Незнакомец, не сбавляя шага и не поворачиваясь, поднял вверх согнутую в локте правую руку и дважды махнул ей в направлении движения. И хоть я прежде не знал армейской системы жестовых команд, вдруг понял, что это означает «следуй за мной!».

И я беспрекословно подчинился.

Я уже не думал ни о грибах, ни о недавнем желании поговорить с этим человеком...

Я исполнял приказ!

Я следовал за ним!

Я, можно сказать, уже почти забыл, кто я, зачем я сюда пришел и что тут делаю.

Незнакомец – а это, несомненно, был офицер, по-видимому, старший, майор, а то и полковник – полностью подчинил меня себе, не произнося ни единого слова, ни единого звука. Я даже не видел его лица.

Он махал рукой с раскрытой ладонью сверху вниз, и я пригибался, подлезая под опасно нависшими, почти завалившимися, стволами деревьев.

Он поднимал вверх две руки и разводил ладони, и я немного отставал, увеличивая интервал.

Он поднимал вверх две руки и сводил ладони, и я приближался к нему, сокращая интервал движения.

Такое со мной уже бывало однажды. Очень давно, когда мне было шестнадцать лет.

На Белорусском вокзале подошла цыганка, схватила за руку и, несмотря на мой робкий протест, начала гадание.

И вдруг я начинаю видеть себя со стороны.

Вот я стою.

А вот цыганка, что-то говорит, что-то абсолютно бессмысленное, не складывающееся даже ни в какую абстракцию. И обследует содержимое моих карманов.

Я смотрю. И мне происходящее абсолютно безразлично.

И как-то очень сонно. Настолько, что не могу пошевелить ни одним мускулом.

Не знаю, сколько это продолжалось. Поскольку я существовал в каком-то совсем другом временном измерении.

Наваждение прервала женщина, которая орлицей накинулась на цыганку. А потом привела меня в чувства, шлепнув по щеке ладошкой.

Тут было примерно то же самое.

Однако вернуть меня к реальности с помощью пощечины было некому. Был четверг. И в лесу были только мы двое: я и человек в плащ-палатке, которого я уже называл мысленно полковником.

Я не имел ни малейшего представления о том, где я нахожусь, куда он меня ведет и зачем все это. Я просто знал, что надо. А зачем надо – это была уже не моя, а его компетенция.

Из леса мы выходили на поляны, поднимались на холмы, обходя стороной человеческое жильё, которое не могло не попадаться нам по пути, поскольку места были не такие уж и дикие.

Собственно, меня ничто уже не удивляло. Ни то, что мы идем уже долго, без отдыха, довольно быстро, но никакой усталости не ощущается.

Не удивило меня даже то, что полковник прошагал по верху воды, когда путь нам преградил небольшой ручей. И даже полы своего плаща не намочил. Мне же пришлось проделать шагов пять по колено в воде.

Периодически он повторял жестовый приказ «Следуй за мной!», хоть это было абсолютно излишне. Казалось, ничто на свете не было способно разорвать прочную связь между мной и полковником, который вел меня вперед, несомненно, для того, чтобы я совершил что-то чрезвычайно важное и значимое, от чего зависит очень многое, может быть, даже жизни тысяч людей. Человеку военному, полковнику, должно быть это точно известно.

Однако, как я теперь понимаю, у него были другие планы относительно меня. Но которые он по неведомой причине резко изменил.

Когда мы спустились с высокого холма, его крутой спуск плавно перешел в еле заметный уклон. Который длился и длился. Хвойные деревья уступили место чахлым березкам. Потом пошли гнилые осины. Под ногами начало слегка чавкать.

Полковник шел, не снижая скорости.

Вскоре мои следы начала заполнять вода.

То есть местность становилась заболоченной. С кочками. И с предательской неизвестностью между ними.

Метрах в пятидесяти впереди меня шел полковник. И было видно, что там уже трясина. Но болотная мерзость под ним не прогибалась. Он шел словно посуху.

И, соответственно, через пятьдесят метров мне предстояло утонуть.

Но полковник, полуобернувшись, выставил назад правую руку с обращенной ко мне раскрытой ладонью: «Стоп!»

Остановился и сам.

Какое-то время он стоял неподвижно, не подавая никаких признаков жизни. Но было понятно, что он напряженно о чем-то думает, решает какую-то неведомую мне задачу, с которой неожиданно столкнулся. И от этого решения очень многое зависит. Вероятно, жизнь тысяч людей.

Своя мне тогда была абсолютно безразлична.

Напряжение было столь велико, что уши начало покалывать, словно иголками, от громадной концентрации в атмосфере электричества. Или же какого-то иного поля, нам неведомого, которое излучал полковник.

И мне было абсолютно безразлично, чем это все закончится. Пойдет ли он дальше, что приведет к моей смерти. Или же примет иное решение.

Он резко сместился вправо. И пошел по краю болота, вполне для меня безопасному.

Когда мы подошли к забору из колючей проволоки, полковник достал кусачки и сделал проход.

Мы проникли на какую-то территорию, пребывание на которой посторонних людей, несомненно, сильно не приветствовалось.

Через некоторое время оказались на обширном поле, которое было покрыто воронками.

В роли пощечины, при помощи которой неведомая женщина на Белорусском вокзале когда-то привела меня в чувство, выступил артиллерийский снаряд. Он взорвался метрах в ста от меня. Калибр, несомненно, был очень большой. И мне показалось, что поверхность земли встала на дыбы. А от свиста осколков зашевелились волосы.

Наваждение исчезло.

Я был свободен.

Полковник повернулся ко мне лицом.

Это был человек лет сорока пяти. С седыми волосами и смоляными бровями. На правой щеке был засохший ручеек крови. В глазах каким-то странным образом совмещались непреклонная решимость, железный характер и какое-то неземное отчаяние. Отчаяние, которое может родиться лишь на страшной высоте и в абсолютной пустоте, где печальный демон, дух изгнания, летал над грешною Землей. Да, именно, с большой буквы, летал над Землей, а не как у Лермонтова...

Я бросился прочь.

Некоторое время, наверно, неделю, а то и две, пытался осмыслить произошедшее со мной. Дать ему хоть какое-то объяснение. Но, разумеется, так ни к чему и не пришел.

Тут можно нагородить чего угодно, и каждый элемент нагороженного мог оказаться реальным.

Любой. Вплоть до инопланетян и лучевого воздействия американских спутников в районе красноармейского артиллерийского полигона.

Да, снаряд, который вернул меня к реальности, взорвался именно на полигоне. О котором опосредованно мне было известно уже давно. Дело в том, что во время стрельб наиболее мощными боеприпасами у меня дом подпрыгивает на фундаменте. А расстояние немалое – больше двадцати километров.

Некоторые разъяснения я получил спустя год. Правда, пока еще не решил, стоит ли их воспринимать всерьез.

В конце августа, опять же в четверг, я столкнулся в лесу с человеком в камуфляжном костюме и с ружьем за плечами. Он назвался лесником.

Человеком он оказался открытым. Более того – словоохотливым.

Заглянул ко мне в корзинку и картинно вздохнул:

– Что ж ты, мил человек, ходишь без толку?

– Да не попадаются, – ответил я якобы сокрушенно. Словно был профессиональным гриболовом, который на вырученные за сезон деньги живет целый год.

– Так места знать надо.

– Да вроде бы уже не первый год тут хожу. Все места на примете.

– Так они места меняют.

– Как это? – изумился я.

– Да просто! Они в наших местах, как половцы, кочуют все время. Лучшей жизни, видать, ищут.

Я понял, что меня подкалывают. Ответил соответственно:

– Так ты прописку у них, что ли, не требуешь?

Мы рассмеялись. И пожали друг другу руки.

Он назвался Федором. Я – своим именем.

Закурили.

Поговорили, естественно, о лесе. О том, что без должного ухода он приходит в негодность – гниющий бурелом, выжирающие строевые сосны короеды, заболачивание и прочие напасти. Потому что раньше в лесничествах лесников было достаточно, чтобы порядок блюсти, а сейчас один Федор на сто квадратных километров. Да к тому же и зарплата издевательская. Приходится надеяться только на личное хозяйство.

В общем, это был вполне стандартный профессиональный стон и скрежетание зубами. Поговори с фрезеровщиками, поговори с врачами, поговори с пилотами гражданской авиации, поговори с полицейскими, поговори с библиотекарями, – все в один голос будут говорить в том же тоне и с теми же интонациями про ситуацию в их сфере деятельности.

Закурили еще по одной.

И тут он сказал:

– Ты поосторожнее тут ходил бы.

– А что такое?

– Полковник.

– Какой еще полковник?..

И тут меня словно током ударило. Я вспомнил прошлогоднее свое приключение.

– Черный.

Я не торопился поведать Федору о происшедшем со мной, рассчитывая услышать от него какие-то существенные вещи об этом феномене.

– И что же он? Лютует? С калашом тут бегают?

– Ну, бегать он как бы не может. Потому что мертвый уже давно. Но бродит. Это точно. И много несчастий приносит...

– Призрак, что ли?

– Может, и призрак. Я, слава богу, не встречал. Потому что мало кто в живых остался, кто с ним столкнулся.

– Как это? Душит? Режет? Стреляет?

– По-разному. Но только был человек – и нету.

И Федор рассказал самую жуткую историю о деяниях Черного полковника.

Дело было пять лет назад. Прикатила компания на двух джипах. С девицами. С ночевкой. С ящиком водки. Ночью на поляне такой костер запалили, что в Барково было зарево видно. По бутылкам из автоматов лупили. В общем, бандиты, для которых человеческий закон не писан.

И тут – Черный полковник. Ночью. В отблесках костра...

Решили над ним поглумиться. Решили, что бомж какой-то престарелый.

Пара гопников к нему. А он потихоньку от них. Они за ним. С калашами.

Остальные посмотрели на это дело, да и продолжили ханку жрать.

Утром проснулись, а этих двоих нету.

Пошли искать с похмелья.

Вскоре нашли. С рож кожа содрана, обнажены мышцы лица в запекшейся крови. Как на анатомическом атласе. Брюки содраны. И в задницы автоматы вставлены. Да не просто вставлены, а магазины все пустые, отстрелянные. И в темечке у каждого по здоровенной дыре. Через нее пули вышли.

Бандиты от этого дела совсем озверели. Решили устроить охоту. Потому что с похмелья были, плохо соображали.

Запрыгнули в два джипа. И через пару часов приехали четыре джипа. Вся ихняя банда.

Встали цепью и начали лес прочесывать.

Примерно всех их через два дня нашли. Страшно было смотреть. Следователя, который заносил все увиденное в протокол, то и дело нашатырем в чувства приводили. В общем, создалось впечатление, что их через пилораму пропустили, которая бревна на доски распиливает. Вначале пропустили вдоль, а потом поперек.

От этого рассказа мне стало зябко. Я представил себя примерно в таком виде.

– Слушай, – спросил я у Федора, – а чего он так лютует?

– Ну, не всегда. Некоторых не тронул. Хоть и немногих. Может, он так борется с выродками? А тех, которые не особо напаскудничали, отпускает, немного постращав? Я, честно признаться, не знаю. Никто не знает.

– А откуда он взялся? Какая у него история? Это хоть кто-нибудь знает?

– Вот это-то как раз все знают.

Я изумился.

Впрочем, история привидений, которые не могут, как говорится, уйти на покой, это хорошо разработанный жанр. Причем все эти легенды настолько правдоподобно расписаны, с доверительными деталями и не вызывающими сомнения подробностями, что не верить им просто невозможно.

Черный полковник при жизни был командиром воинской части, директором артиллерийского полигона, что расположен к северо-востоку от Красноармейска.

Служил честно. Не воровал, хоть в девяностые годы воровали практически все.

Офицеры его уважали.

Солдаты были довольны, что попали служить именно в эту часть, где к ним относились, как к людям. Пусть и спрашивали службу строго.

Вышестоящее начальство в Главном ракетно-артиллерийском управлении ставило его в пример.

И семьянином он был прекрасным. Любил жену, как и она его. Воспитывал десятилетнего сына, надеясь, что он, когда настанет время, пойдет по стопам отца.

Но случилось несчастье.

Впрочем, в армии любое несчастье является следствием некомпетентности, разгильдяйства, а то и преступной продажности.

Чеченские террористы где-то украли (читай – купили) громадное количество тротила. И тайно, опять же подкупив кого следует, заложили его в плотину Жигулевской ГЭС.

Для того чтобы синхронно сработала вся взрывчатка, необходимо было использовать специальный взрыватель – последняя разработка российского оборонно-промышленного комплекса. Но чтобы привести взрыватель в действие, необходимо было ввести специальный секретный код.

Террористы выяснили, что на предприятии, где взрыватель разработали, никто кода не знает. Потому что все компетентные инженеры эмигрировали в США и давно работают в компаниях «Локхид Мартин», «Дженерал Динамикс» или «Боинг».

Код знал только один директор Красноармейского полигона.

К нему подогнали гонца с чемоданом долларов. Однако полковник арестовал его и сдал в военную прокуратуру.

Тогда решили вышибить код под пытками.

Когда полковник был с семьей на даче, нагрянули на трех джипах.

У полковника был лишь пистолет Макарова и три магазина к нему.

Террористы были вооружены до зубов.

Полковник отстреливался. Но исход сражения был ему, конечно же, известен.

Он понимал, что они в конечном итоге ворвутся. Начнут его пытать, требуя назвать код.

Разумеется, он ничего не скажет. Потому что в случае разрушения плотины гигантской волной смоем несколько городов вниз по течению Волги. Погибнут несколько миллионов человек, среди которых большинство составляют старики, женщины, дети.

Затем террористы скажут, что будут глумиться над женой.

Он опять ничего не скажет.

Потом после истязаний и пыток они убьют жену.

Потом подступятся к сыну.

Но и тут он будет молчать. Потому что отгрызет себе язык.

Когда у полковника остались три патрона, он застелил сына. Потом жену. Потом застрелился сам.

И тем самым унес тайну кода в могилу.

– Вот с этих самых пор Черный полковник тут и бродит, – закончил свой рассказ Федор.

– Может, он требует отмщенья? – спросил я, вспомнив шекспировскую историю, завершившуюся серией убийств. И не только во имя возмездия, но и совершенно бессмысленных.

– Да где их искать-то? И как определить, потому что все они уже Россию любят изо всех своих сил.

Закурили по третьей.

– Но, вообще-то, – продолжил Федор, – примерно известно, что ему надо. Ему надо звезду Героя, посмертно.

У меня аж челюсть отвалилась.

- Это кто говорит? Он сам, что ли?
- Нет, он, говорят, всегда молчит.
- Так тогда откуда?!
- Да сам подумай, логически. Он Герой России, реально?
- А то!
- Вот ему и надо присвоить. Тогда и успокоится. Да только дело это тухлое!
- Что так?

И тут Федор поведал мне не менее невероятную историю.

Жители сел и деревень, расположенных в местах посмертного обитания Черного полковника, на сходке создали инициативную группу. Группа начала ходатайствовать перед Министерством обороны о посмертном присвоении Черному полковнику звания Героя России. Была большая надежда на то, что человек, ну, или же призрак, получив наконец-то заслуженную награду, успокоится. И удалится в те места, не пересекающиеся с материальным миром, где ему самое место.

Подготовились основательно. Прежде всего, собрали, насколько это было возможно, свидетельства подвига Черного полковника. Со строгими выкладками относительно возможного количества жертв, которых не удалось бы избежать в случае разрушения плотины Жигулевской ГЭС. Приложили вырезки из газет о загадочных трагедиях в окрестных лесах, при расследовании которых невозможно было выдвинуть ни одной материалистической версии. Связали все собранные материалы неразрывными причинно-следственными связями.

Лидера инициативной группы, профессионального юриста, принял сам министр обороны. Взял пухлую папку с документами и пообещал во всем разобраться.

Ровно через месяц пришел ответ. В бездушном бюрократическом духе в нем говорилось о том, что коллегия по награждениям не нашла достаточных оснований для присвоения звания Героя России бывшему гражданину такому-то.

Людей это настолько возмутило, что жители деревень Федоровское и Путилово перекрыли железнодорожную ветку, соединяющую город Красноармейск со станцией Софрино.

Этим были крайне недовольны те «красноармейцы», которые ежедневно отправлялись в электричке на работу в Москву.

Произошли стычки на рельсах. К счастью, до жертв дело не дошло. Однако обстановка накалилась настолько, что еще немного, и вспыхнул бы бунт на мистической почве.

Из районного центра Пушкино на усмирение протестующих был направлен отряд национальной гвардии. Однако это не помогло. Гвардейцы приняли сторону вышедших из повиновения жителей окрестных деревень и категорически отказались их усмирять.

Но прошло время, и всё рассосалось само собой. В России так бывает всегда, когда толпой руководят люди, которые стремятся облегчить участь этой самой толпы: провести водопровод, или закрыть свалку, или избавиться от зарвавшегося мздоимца, или разбить парк на месте пустыря, или выжечь каленым железом наркомафию, или сделать еще что-то общественно полезное. Все эти благие намерения обречены на провал.

Когда же на трибуну взгромождаются главари, которые преследуют прежде всего свои корыстные цели в особо крупных размерах, то лишь в этих случаях можно чего-то добиться. Разумеется, далеко не в полном объеме задуманного. Потому что полный объем присваивают себе жуликоватые борцы за социальное процветание.

– А знаешь, – сказал лесник, когда мы собрались уже разойтись, – почему Героя не дали? Не за тех голосовал!

– Как это? – изумился я. – Откуда это известно?

– В Зубцове на даче летом живет мужик, который недавно в Генштабе шофером работал. Так вот он и сказал, что когда раскрыли личное дело Черного полковника, то видят, что голосовал он не за «Единую Россию», а за «Яблоко»!

– Постой! – изумился я еще больше. – Ведь тайные же!

– Ну, это у штатских, может, и тайные. А в армии без порядка никак нельзя!

– Вот суки! – возмутился я.

– Суки, – согласился Федор.

Его собака, которая все это время внимательно слушала наш разговор, залилась звонким лаем.